

К 100-летию со дня рождения Ярослава Сергеевича Русанова – доктора биологических наук, почетного члена Росохотрыболовсоюза (1924–1997)

Неумолимо бежит время... Постепенно из памяти стираются события давно прошедших лет... Однако многие люди, с которыми свела судьба, и наиболее значимые периоды жизни каждого человека врезаются в память навсегда, время от времени всплывая во сне или наяву. Таким значимым этапом жизни была работа в коллективе лаборатории лесного охотоведения ВНИИЛМ, под руководством Ярослава Сергеевича. Прошло 27 лет, как его нет с нами, нет и троих, тогда еще довольно молодых сотрудников нашего дружного коллектива. Ушло из жизни «золотое поколение ученых», служащих, технических работников нашего Института тех лет. Изменилось и время.

Я.С. Русанов родился 23 сентября 1924 г. в Воронеже. Его дед по отцовской линии был известным в стране врачом, а отец, Сергей Андреевич Русанов, – хирургом от бога, доктором медицинских наук, профессором. Оба они, как страстные охотники, были знакомы всей округе. На охоту отец брал Ярослава еще в детском возрасте в качестве наблюдателя. Вот как описывает Сергей Андреевич Русанов в своей замечательной книге «Семьдесят лет охоты» (1987) одну из первых поездок с сыном на уток: «Ему было десять лет, он еще не дорос до ружья и ходил со мною, как я когда-то с папой. Я стоял по колено в воде, укрытый кустом лозы, а Ярослав посадил в стороне на крохотный островок, где его скрывала высокая осока. Едва село солнце, как прилетела матерка (кряква), вскоре вторая, обеих удалось подстрелить. Третья появилась уже в полумраке, шла высоко, после выстрела закувыркалась с перебитым крылом и упала на чистую воду к тем самым высоким кочкам, где прятался сын, сидела там, вертела

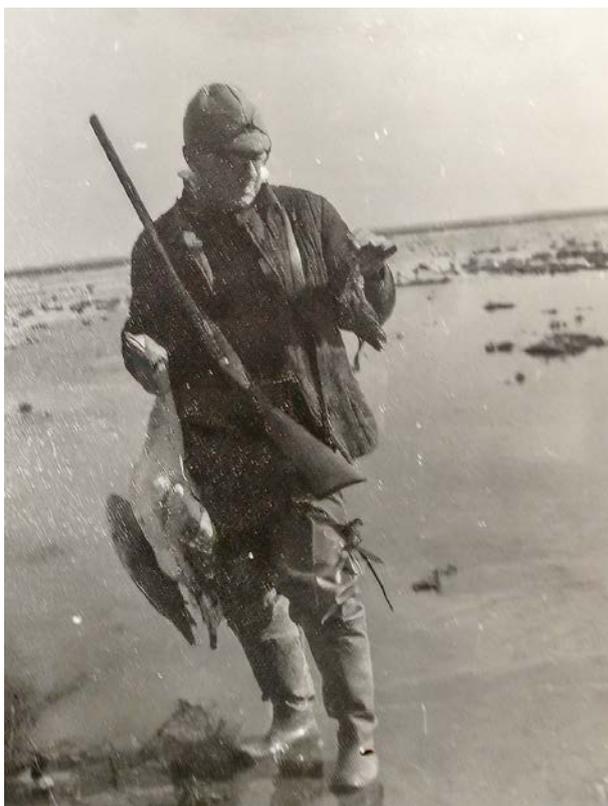

головой, озираясь. Выстрелить по ней не позволяла близость мальчика; еще минута и она уйдет в траву. Вдруг мой наследник «ласточкой» вылетел из своего укрытия и плашмя упал на утку. Скрывлся под водой и выскочил, держа за шею отчаянно бившуюся матерку. Тут я окончательно убедился: сын будет охотником, притом самоотверженным».

И верно, Ярослав Сергеевич не только стал дельным, я бы сказал профессиональным охотником, пронеся это увлечение через всю свою жизнь, но и одним из ведущих советских охотоведов, посвятив свою жизнь благородному делу изучения и улучшения ведения охотничьего хозяйства страны.

В годы Великой Отечественной войны из-за врожденного острого недостатка слуха и слабого зрения Ярослав Сергеевич служил рентгенологом в санитарном поезде. Однажды отряд немцев едва не захватил состав, но благодаря самоотверженности машиниста паровоза, команды врачей, санитаров, в том числе и Ярослава, удалось отбить неожиданную атаку и благополучно вывезти раненых бойцов в тыл.

Окончилась война... Страстная увлеченность охотой стала стимулом к поступлению в Пушно-меховой институт, по окончании которого его распределили во ВНИИОЗ (Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства). Ярослав Сергеевич с головой окунулся в изучение разных вопросов охотоведческой науки. Становлению молодого ученого очень способствовали командировки в отдаленные районы. В течение нескольких лет он проводил полевые исследования в глухих таежных лесах Красноярского края и Бурятии, выезжая на промысел вместе с профессиональными охотниками коопзверопромхозов. Внимательно изучая приемы капканного и ружейного

способов добычи «мягкого золота», ведя постоянные наблюдения, осуществляя хронометраж деятельности охотников на промысле белки, в тяжелейших условиях суровой таежной жизни, вдали от благ цивилизации, Ярослав Сергеевич собрал ценнейшие полевые материалы, разработал и внедрил в практику древесный капкан, участвовал в разработке Методического руководства по устройству комплексных промысловых охотничьих хозяйств (промхозов) потребительской кооперации (1958). Проанализировав и обобщив полученные данные, изучив имеющуюся литературу, он успешно защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, а в 1966 г. написал свою первую книгу «Основы промысла белки» (1966), которая с интересом была воспринята в ученых кругах и с благодарностью за дельные советы охотниками страны.

С 1959 по 1963 г. в должности зам. директора по научной части Ярослав Сергеевич работал в Беловежской Пуще.

В 1964 г. Я.С. Русанов поступил на работу во ВНИИЛМ, в лабораторию лесного охотоведения на должность старшего научного сотрудника. Здесь он принял активное участие в написании монографии «Основы охотустройства» (1966) под общей редакцией Д.Н. Данилова, которая до сих пор является настольной книгой для ученых-охотоведов и практиков, работников проектных организаций, государственных и частных охотничьих хозяйств, студентов профильных учебных заведений. Участвовал в составлении Методического руководства по внутрихозяйственному устройству охотничьих хозяйств (1965). С 1966 по 1970 г. он возглавлял отдел проектирования лесохотничьих хозяйств института «Союзгипролесхоз». Исследования и работы по устройству хозяйств завершились публикацией Технических указаний по проектированию охотничьих и лесохотничьих хозяйств (1968).

Вернувшись во ВНИИЛМ в 1970 г., Ярослав Сергеевич занял пост заведующего лабораторией лесного охотоведения. В стенах лаборатории на основе собранных в течение десятков лет материалов он в 1973 г. написал книгу «Охота и охрана

фауны», которая впервые открыла возможность управления половым и возрастным составом популяций животных посредством охоты. В 1977 г. защитил докторскую диссертацию по совершенно не исследованной тогда теме «Влияние охоты на структуру популяций дичи».

Проанализировав многолетние исследования сотрудников лаборатории, в 1984 г. в соавторстве с Л.И. Сорокиной он опубликовал книгу «Лес и копытные». Ярослав Сергеевич проработал заведующим лабораторией около 20 лет и написал 150 научных и научно-популярных статей и 10 книг. Под его руководством был разработан и передан производству целый ряд рекомендаций, методических указаний по вопросам учетов численности охотничьих животных, видов и нормативов применения биотехнических мероприятий, оптимальной плотности копытных животных, по влиянию состава, площади и мозаичности типов лесных угодий на охотхозяйственную ценность территории; уточнены принципы бонитировки угодий для основных видов охотничьих животных, методика ущерба, наносимого копытными-дендрофагами лесному

хозяйству и многие другие разработки. С 1970 по 1989 г. под его непосредственным руководством защищено 5 кандидатских диссертаций, причем в двух из них он был научным руководителем. Сотрудники участвовали в конференциях, опубликовали около 250 научных работ по темам исследований и выпустили 4 сборника трудов под общей рубрикой «Вопросы лесного охотоведения и многоцелевого лесопользования» (1976, 1979, 1984, 1988).

Я.С. Русанов был очень прост и дружелюбен в общении. Родители накрепко заложили в нем интеллигентность еще в детстве. Обедали и пили чай в лаборатории или столовой мы всегда все вместе. И не было случая, чтобы он отчитал нерадивого сотрудника за небрежно выполненную работу во время приема пищи. Он учил многому: честности, порядочности, принципиальности, трудолюбию. Часто, особенно в начале разработки очередной темы НИР, по несколько рабочих дней мы всем коллективом обсуждали задачи, приемы и конечные цели, спорили, предлагали свои варианты исследований. «Локомотивом» таких обсуждений, теперь их называют «мозговых

штурмов», всегда был наш заведующий. В конце концов приходили к единому мнению и, «засучив рукава», с энтузиазмом принимались за работу, основой которой всегда были тщательные и длительные натурные обследования. Под его руководством в лаборатории собрался коллектив единомышленников, которые были в курсе не только научных, но и семейных проблем друг друга. Ярослав Сергеевич свято соблюдал традиции, культуру и этику охоты. Прекрасно разбирался в марках и системах охотничьего оружия, приобщил к охоте даже наших женщин-сотрудниц, помогал в выборе и покупке ружей.

Всю жизнь он держал подружейных собак, в основном пойнтеров, и хорошо разбирался в кинологии. Хорошо рисовал, мог написать к юбилею проникновенное поздравление в стихотворной форме, а уж рассказчиком был непревзойденным. Долгими зимними вечерами на полевых работах мы заслушивались его рассказами, да и было, что рассказать!

Ярослав Сергеевич был членом нескольких ученых советов, Почетным членом Росохотрыболовсоюза, нескольких редколлегий, рецензентом диссертационных работ, книг, журналов, читал студентам лекции в МГУ, на основе которых написал книгу «Основы охотоведения» (1986).

Ярослав Сергеевич – охотник по душе, роду и званию – был великим популяризатором правильных, классических охот в России. Он изложил накопленные знания и щедро поделился с нами богатейшим охотничьим опытом, опубликовав книги «Охота на зайцев» (1973); «Подсадная утка и охота с ней» (1975); «Основы охотоведения» (1986), «Водоплавающая дичь» (1987), «Охоты в России» (2000) и другие произведения.

Он часто ездил на охоту. Любимыми были охоты с подружейными собаками на вальдшнепа и болотную дичь, с подсадными и осенние охоты на водоплавающую дичь.

Вспоминается одна из совместных поездок на охоту в дельту Волги. За двое суток добрались, наконец, на поезде дальнего следования до Астрахани, где охотников встречал автобус с базы «Московский охотник». Отвезли нас на пристань, и мы усталые, но довольные выдвинулись на

пароходе «Заря» в самую дельту, ближе к Каспийскому морю.

И вот первый день долгожданной охоты... Тишина. В черном, бездонном южном небе мерцают большие «астраханские» звезды... Совсем ничего не видно, но Ярослав Сергеевич уверенно булькает шестом и гонит плоскодонку по плесу, ориентируясь по звездам. Я с трудом поспеваю за ним, ведь навыка владения шестом и управления куласом у меня еще нет. Рассвело, а мы все плывем и плывем куда-то, хотя, кажется, вот они утки, стоит только ткнуться в ближайший кулдук и никаких патронов не хватит. Я нервничаю: что же еще надо, почему не охотимся? За дальним островом вдруг открывается такой же огромный открытый плес, обрамленный высоченной стеной астраханских тростниковых «джунглей» с многочисленными мелкими травянистыми островами и островками, многотысячной стаей уток всевозможных видов, которые с грохотом реактивного самолета поднимаются время от времени на крыло при виде пикирующего на них орлана-белохвоста, разлетаются сотенными стаями в стороны и снова собираются на плесе вместе. «Вот теперь поохотимся», – сказал Ярослав Сергеевич, азартно блеснув глазами... Разъехались, спрятали лодчонки в дальних островках травы и вернулись по колено в воде каждый к своему скрадку, разбросав поблизости резиновые чучела уток. За 40 минут расстрелял весь боезапас. Патронов больше нет, я необычайно расстроен и в азарте бегаю по островку редкой ежеголовки в поисках подранка. Постепенно успокаиваюсь, прихожу в себя, сажусь на сидушку и наблюдаю за Учителем. Вот на него налетает очередная стайка шилохвостей и, расправив крылья, планирует к чучелам. Сначала вижу, как одна за другой вываливаются две утки, затем поочередно взлетают вверх брызги воды, радугой переливаясь на солнце, а затем до меня доносится звук выстрелов. Учитель не спеша поднимается с сидушки, бредет по воде в поднятых болотниках, нагибается, что-то рассматривает и снова возвращается в скрадок. Опять летят! Вижу стволы, блеснувшие на солнце, голубоватый дымок из них, сноп радужных брызг от упавшей

утки, звук выстрела и «жирный» шлепок о воду чисто битой птицы. Вся охота длится два, два с половиной часа, и счастливый, сияющий Ярослав Сергеевич подплывает на кулаке ко мне. Он сокрушается по поводу моих промахов и терпеливо объясняет, какое надо брать упреждение и как правильно выцеливать пролетающих с большой скоростью уток. В последующие дни я охочусь уже самостоятельно, прилично стреляю и, как Учитель, стараюсь выбирать места и те виды уток, которые еще не стали моей добычей...

Мы с Ярославом Сергеевичем в 10–12 км от базы, за дальним плесом заметили огромную, похожую на облако, стаю гусей, которая, покружившись, все эти дни садилась куда-то... «Собрав продукты, захватив патроны, легкие одеяла, гусиные профили и теплые вещи, двинулись в намеченном направлении... Завечерело. Стаи гусей, одна за другой улетели куда-то, а мы по мелководью уже дошли до острова, зашли за него и обнаружили гусиную дневку... Больше всего поразило то, что болотная растительность на площади в несколько гектаров была полностью выщипана гусями. На ночлег пришлось устроиться на краю тростниковой стены, прямо на кабаньей тропе, так как пробраться к деревьям через стену тростника не было никакой возможности. Ночь выдалась на редкость звездной, ясной, холодной, но крайне беспокойной. Оказалось, что мы легли спать на одном из главных «проспектов» местных вепрей, и в течение ночи мне раз семь пришлось, резко сбрасывая с себя одеяло, вскакивать в кромешной темноте, светить фонариком и на чем свет стоит по матушке ругать свиней, которые сопели, пыхтели и щелкали клыками совсем рядом, очевидно пытаясь пройти своей дорогой. Учитель тем временем безмятежно спал на матрасе из тростника, словно его совсем не волновало то, что в очередной раз дикие свиньи чуть не наступили ему на голову. Наконец-то рассвет... Туман рассеялся, гуси летали и кружились рядом и вдалеке. Их было штук пятьсот. Я был словно в беспамятстве, увидев эту сказочную картину. Мы договорились, что «разведчиков» стрелять не будем. Я ждал, когда же послышатся выстрелы Ярослава. Наконец, вдалеке

прозвучал торопливый дуплет. Когда одна из стай в 80 птиц, увидев профили, повернула ко мне метров на 35, выбрал последнего из стаи и самого ближнего ко мне гуся и выстрелил. Гусь камнем упал в ил, а я остался стоять в тростниках, чтобы не обнаружить своего присутствия, в волнении ожидая выстрелов Учителя... На Ярослава Сергеевича налетела очередная стая, и я увидел, как один гусь упал камнем, а другой, протянув метров 600, сел вдалеке, явно раненый. Донесся приглушенный звук выстрелов.

Уже на вокзале в Астрахани Учитель повел меня в станционный ресторан, хотя наш внешний вид не совсем соответствовал подобным заведениям. Ярослав Сергеевич сказал мне, что и его Учитель много лет назад вот так же водил его в этот же ресторан и посвящал в охотники дельты Волги. Будет ли у нас возможность передать эстафету Учителя достойному?

Очередной выезд на полевые работы в Суземский район Брянской области неожиданно закончился весьма трагически. Ничто не предвещало беды. Был солнечный день 21 апреля 1988 г. Полевые исследования продолжались уже пару

недель. Как обычно, с утра мы выдвинулись в лес, каждый по своему маршруту, чтобы вечером встретиться на базе – кордоне «Нерусса», одиноко затерявшемся в брянских лесах. Вернулись вечером и пришли в ужас! Сгорел отец Ярослава, Сергей Андреевич, остававшийся в помещении весь день в одиночестве. Сгорела база лаборатории вместе с пойнтером Чоком, посадными утками, ружьями, документами и оборудованием. Причину пожара установить так и не удалось, может быть это был поджог, ведь мы мешали местным браконьерам. Трагедия сильно подорвала

здоровье Ярослава Сергеевича, он стал задумчив, всегда грустен, не общителен. Мы, как могли, пытались развеселить заведующего, поддержать его в этом великом горе, но все было напрасно, ведь он очень любил и уважал своего отца!

Проработав еще год, он уволился из Института и ушел на пенсию. Через несколько лет, в 1997 г., в возрасте 73 лет скончался от тяжелой болезни. Память об этом замечательном человеке, крупном ученом в области охотоведения, популяризаторе правильной охоты сохраняется в наших сердцах.

Ф. Федоров